

© 1995 г. Д.С. КУЛМАМАТОВ

**СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ДЕЛОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ В РУССКОМ  
ПЕРЕВОДЕ XVII в. – ИСТОЧНИК ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА**

Изучение истории любого языка не представляется возможным без обстоятельного исследования его древних письменных памятников. Поскольку надежность установленных фактов в истории языка в значительной степени зависит от количества материала, их освещающего, считается целесообразным усиление источниковедческой базы лингвистических исследований и привлечение для этих целей нового массива данных из памятников, которые пока не попадали в поле зрения историков языка<sup>1</sup>.

Среди письменных источников русского языка, многочисленных в жанровом отношении и по территориальной приуроченности, наибольшего внимания заслуживают деловые памятники. Но, к сожалению, в последнее время традиция издания и изучения письменных деловых источников, особенно позднего исторического периода (XVII в.), несколько ослабла, хотя "изучение и введение в научный оборот скорописных памятников русского языка в их полноценном виде является одним из главных условий успешной разработки его истории эпохи национального развития и проявления некоторых моментов его состояния в древности" [Котков 1981: 15–16].

Изучение письменных памятников русского языка XVII в. является особенно важным потому, что именно в эту эпоху складывалась живая стихия национальной речи, сыгравшая определяющую роль в становлении и формировании русского национального языка.

В этой связи усилия историков языка должны быть сосредоточены на активизации лингвистического воспроизведения и интерпретации до сих пор остающихся в рукописном виде важнейших русских скорописных материалов XVII в., так как еще далеки от своего окончательного разрешения многие проблемы: не изучены все условия создания памятников, не учтены достоверные сведения об их создателях, недостаточно исследован словарный состав текстов русской деловой письменности XVII в.

Необходимо констатировать, что издать и изучить все деловые документы русского языка XVII в. пока практически невозможно, поэтому для плодотворного решения перечисленных выше проблем истории русского языка следует привлекать в первую очередь новые письменные памятники, представляющие историческую и лингвистическую ценность и дающие возможности нового подхода к их изучению. К числу такого рода источников можно отнести целый комплекс разнообразных документов, отложившихся в русских архивах как результат дипломатических и торговых сношений Московского государства с государствами Средней Азии.

Абсолютное большинство этих памятников хранится в фондах 109 "Сношения России с Бухарой" и 134 "Сношения России с Хивой" Посольского приказа Россий-

<sup>1</sup> Само собой разумеется, что памятники письменности, впервые привлекаемые к исследованию, могут оказаться важными и для гражданской истории, поэтому следует подумать о совместном их изучении как филологами, так и историками.

ского государственного архива древних актов (РГАДА – бывшего ЦГАДА) в Москве. Согласно принятой архивной терминологии, документы разделены на "дела", "грамоты", "посольские книги". Здесь грамоты хивинских и бухарских ханов, челобитные их послов, росписи ханских подарков XVII в., часто вместе с современными им русскими переводами, старинные русские переводы грамоток хивинцев, направленных жившему в Москве хивинскому царевичу-эмигранту Авганмухаммеду, и его ответных грамоток в адрес матери, братьев и других родственников, расспросные речи среднеазиатских послов, гонцов, протоколы "чина" (церемониала) по приему и отпуску их царями, старинные тюркские переводы грамот московских царей XVII в., царские грамоты, адресованные воеводам и выданные русским послам и посланникам, статейные списки русских посланников в Среднюю Азию, отписки воевод русских городов, челобитные переводчиков, толмачей, приставов, русских пленных, посольские книги, памяти, доклады, наказы. Среди этих довольно многочисленных документов по богатству и разнообразию языковых средств, а также по возможности дополнительной опоры для их интерпретации особое место занимают старинные русские переводы среднеазиатских грамот и челобитных<sup>2</sup>, дающие ясные представления о культуре переводческого дела Посольского приказа и оказавшие немалое влияние на развитие русского языка, прежде всего в виде лексических заимствований.

Среднеазиатские грамоты и челобитные XVII в. были написаны арабской графикой на среднеазиатских официальных языках, которые в соответствии с современной востоковедческой практикой именуются "тюрки" и "фарси". Так, из двух грамот хивинского хана Исфендияра, направленных в одно и то же время – в 1641 г. – астраханским воеводам и боярам, одна была написана на "тюрки", а другая – на "фарси" [Хив. д. VII]<sup>3</sup>. В "легендах переводчиков"<sup>4</sup>, предшествующих старинным русским переводам среднеазиатских деловых документов XVII в., в отписках воевод русских городов, в расспросных речах хивинских и бухарских послов, гонцов эти языки получали различные названия – "тюркское письмо", "татарское письмо", "турское письмо", "фарсовское письмо" или же "тюркский язык", "татарский язык", "турский язык", "фарсовский язык", что было связано с изначальной неустойчивостью русской традиции наименования языков, которые часто именовались не по самоназваниям носителей языка, а по географическим или конфессиональным признакам. Здесь надо быть особенно осторожным по отношению к терминам "татарское письмо" и "татарский язык", поскольку документы создавались не в Татарии, а в среднеазиатских канцеляриях, где продолжались традиции местного тюркского языка, именуемого в тюркологии чагатайским. Как справедливо замечает Э.Н. Наджип, "в разное время татарами называли различные тюркоязычные племена, в том числе азербайджанцев, уйгуров, западносибирские тюркоязычные племена и др." [Наджип 1989: 57].

Термин "татарский язык" был одним из синонимов для названия среднеазиатского постчагатайского литературного языка тюрки, который был в употреблении также и в Урало-Поволжье у татар и башкир. Согласно Р.Х. Халиковой, "становление тюрки Урало-Поволжья своими корнями связано с периодом расцвета Золотой Орды, в развитии культуры которой огромную роль сыграло живое общение народов Поволжья, Урала и Средней Азии, что несомненно способствовало большому проникновению в язык среднеазиатских элементов" [Халикова 1990: 9].

<sup>2</sup> Г р а м о т а – это акт, содержащий в себе официальное письменное обращение правителя какого-либо государства к должностным лицам местных учреждений и других стран. Ч е л о б и т н а я – это акт, содержащий в себе просьбу или жалобу о чем-нибудь.

<sup>3</sup> В статье приняты следующие сокращения архивных источников: Бух. д. I – Ф. 109, оп. 1, 1644 г., д. 1; РГАДА I – Ф. 138, оп. 1, 1622 г., д. 1; РГАДА II – Ф. 138, оп. 1, 1629 г., д. 3; Хив. д. I – Ф. 134, оп. 1, 1616 г., д. 1; Хив. д. II – Ф. 134, оп. 1, 1639 г., д. 2; Хив. д. III – Ф. 134, оп. 1, 1641 г., д. 1; Хив. д. IV – Ф. 134, оп. 1, 1641 г., д. 2; Хив. д. V – Ф. 134, оп. 1, 1641 г., д. 3; Хив. д. VI – Ф. 134, оп. 2, 1641 г., д. 7.

<sup>4</sup> В соответствии с канцелярской практикой XVII в. в "легенде переводчика" давалась небольшая характеристика документа, в которой говорилось о характере документа, о его авторе, адресате и дате.

На наш взгляд, под "татарским языком" ("татарским письмом") в XVII в. понимались многие языки (вместе с тем и диалекты), относящиеся к тюркской группе. Существенным является тот факт, что согласно традиции Посольского приказа восточные языки, в том числе тюркские, определялись по местам проживания народов, которые говорили на этих языках: "хивинский язык", "бухарский язык", "крымский язык", "ногайский язык", "черкасский язык", "калмыцкий язык" и т.д. Например, в одной из отписок астраханского воеводы Никиты Одоевского с его товарищами царю Михаилу Федоровичу 1641 г. имеется прямое указание на "хивинский" и "бухарский" языки<sup>5</sup>: "Гсдрю црю і великомѣ князю Михаилу Федоровичу всеа Рѣсїи холопи твои Никитка Одоевской Никитка Ме҃сетцкой Олешка Дуров Первушка Неронов челомъ бѣютъ в ннешнемъ гсдрѣ во Рѣм [1641] годѣ сѣнтѣбрѣ въ 01 [19] де(нь) в своеи ... грамоте ... ꙗказалъ ты гсдрѣ послатъ ... изъ Асторохани въ Юргенчъ къ юргенскому Исфенъдеару царю да въ Бухары къ бухарскому Имамкуле царю для своего гсдрва дѣла въ посланникахъ астороханца дворянина или сѣна боярского ... да толмача которои бы юргенскому и бухарскомѣ ꙗзыку ꙗмѣлъ достаточно" [Хив. д. IV : 167].

В связи с этим современные термины "старотатарский язык", "староузбекский язык", довольно привычные для некоторых нынешних тюркологов, по отношению к письменным памятникам XIV–XVII вв. могут быть применимы лишь условно.

Важно учитывать, что немалое количество среднеазиатских грамот и челобитных XVII в., написанных на "тюрки" и "фарси", имеют при себе современные им русские переводы, которые могут быть исходной позицией для лингвистического анализа текстов в сопоставительном плане. Сопоставительный анализ оригинальных и переводных документов позволяет определить, какое смысловое содержание необходимо было выразить переводчику средствами русского языка, вместе с тем дает возможность выяснить, как преодолеваются типовые трудности и какие элементы оригинала сохраняются без изменения, а также показать технику перевода с восточных языков на русский в XVII в.

Более ста лет тому назад академик В.В. Вельяминов-Зернов в предисловии к изданию крымскотатарских документов из Московского главного архива Министерства иностранных дел, указывая на необходимость параллельного изучения иноязычных оригиналов письменных деловых памятников и современных им русских переводов, писал: "Со временем, быть может, изданы будут переводы предлагаемых документов. Я – того мнения, что всего полезнее было бы издать русские современные переводы, хранящиеся в том же Московском главном архиве Министерства иностранных дел. С одной стороны, это бы значительно облегчило труд издателя, который не был бы вынужден вновь переводить обширное по своему объему собрание документов. С другой стороны, забывать не следует, что современные переводы, хранящиеся в архиве, были официальные и служили основой сношений Московского двора с Крымом; следовательно, если бы даже и встретились в них какие-либо ошибки, то эти ошибки имеют для историка свое особое и важное значение. К тому же многое, что в подлинниках, по незнанию разных мелочных обстоятельств, может показаться для нас теперь непонятным, разъяснилось бы, по всей вероятности, из современных переводов... Приниматься за подобную работу в настоящую минуту, когда не все необходимые для этого современные переводы еще подобраны, было бы преждевременно; ждать же, пока переводы будут описаны и рассмотрены – значило бы откладывать на неопределенный срок издание в свет татарских подлинников, появление которых уже и теперь с нетерпением ожидается многими из наших отечественных ориенталистов" [Вельяминов-Зернов 1864 : 6–7]. Однако задача, поставленная В.В. Вельяминовым-Зерновым, до сих пор остается невыполненной не только по отношению к интересовавшим его документам, но и к

<sup>5</sup> Выносные буквы в цитатах выделяются курсивом.

переводам деловых бумаг вообще. Старинные русские переводы восточных, в том числе среднеазиатских деловых памятников XVII в., представляющие фактический материал для изучения былого состояния русского языка, все еще остаются вне поля зрения филологов, увлеченных в основном анализом переводов литературных памятников, и нуждаются в лингвистической публикации и исследовании<sup>6</sup>. Поэтому даже не подготовлен вопрос об их значимости для языка (причем не только языка оригинала, но и языка перевода).

К числу дел Посольского приказа, ожидающих своих публикаторов и исследователей, следует также отнести старинные тюркские переводы грамот московских правителей XVII в.<sup>7</sup>.

Согласно данным архивных материалов, заключающих в себе сведения о создателях переводов – переводчиках и толмачах Посольского приказа<sup>8</sup>, для выполнения переводов восточных оригинальных текстов на русский язык и русских оригинальных текстов на восточные языки (в большинстве случаев на тюркский) привлекались чаще всего служилые татары и реже русские люди, бывшие долгое время в плену в странах Востока: "Црю гсдрю і великомѹ кѣсю Михаилѹ Федоровичю всеа Рѣсїи бѣет челом холоп твои Посолского приказу станишної слѣживои татарин Ал-мамбетко ѹразилдѣевъ снѣ Алышев в ѣншном гсдрѣ в РЛЗ: 2 [1629] маія в Ѣ[9] де велено мнѣ холопѹ твоемѹ быти в Посолском приказѣ твоего гсдрва дѣла в татарскихъ переводчиках" [РГАДА II : 2]; "Гсдрю црю і великому кѣсю Михаилу Федоровичю всеа Рѣсїи турской полоняникѹ орлянин снѣ боярской Петръ Чаплыгин бѣет челом был де он в полонѹ в турской землѣ тринацат лѣт и ѹзыку де турскому і крымскому и италянскому знает достаточно и гсдрѣ ег(о) пожаловал ѹа ево службу і ѹа полонское терпѣне велѣл ему быти ѹ своего гсдрва дѣла в толмачѣхъ" [РГАДА I : 4].

Любой исторический источник имеет свою неповторимую историю. Это имеет прямое отношение к старинным русским переводам многочисленных грамот среднеазиатских ханов и челобитных их послов и гонцов XVII в.

Начнем с официальных грамот. Грамоты среднеазиатских ханов, адресованные воеводам русских городов, переводились обычно на местах – в съезжей избе, а потом вместе с воеводскими отписками<sup>9</sup> отправлялись государям в Москву для ознакомления. Например, в отписке астраханского воеводы Никиты Ивановича Одоевского с товарищами о прибытии в Астрахань хивинского гонца Назара Мелика с грамотами от Хивинского, Бухарского и Балхинского ханств от 18 апреля 1641 г. читаем:

<sup>6</sup> В самих среднеазиатских хранилищах отсутствуют документы местного происхождения, возникшие в канцеляриях Хивинского и Бухарского ханств. Поэтому памятники старой письменности среднеазиатского происхождения XVII в., сохранившиеся в Российском государственном архиве древних актов, представляют в распоряжение историков и языковедов Средней Азии достоверные фактические материалы для характеристики делопроизводства, а также языков деловой письменности и живой среднеазиатской речи (народов Хивинского и Бухарского ханств).

<sup>7</sup> Некоторые из них, извлеченные из фондов "Сношения России с Хивой" и "Сношения России с Индией" РГАДА, были опубликованы, см.: Грамота царей Ивана и Петра Алексеевичей хивинскому хану Арану Багадыру от 8 мая 1695 г. [Самойлович "ред." 1932 : № 110 – русский текст; № 24 – тюркский перевод]; Грамота царей Ивана и Петра Алексеевичей балхинскому хану Багадыру от 10 июня 1695 г. [Самойлович "ред." 1932 : № 111 – русский текст; № 25 – тюркский перевод]; Грамота царя Алексея Михайловича индийскому падишаху Аурангзебу от 28 февраля 1675 г. [Антонова "ред." 1958 : № 114]; Проезжая грамота, выданная Семену Маленькому на проезд в Персию, Индию, Балх и Хиву от 10 июня 1695 г. [Антонова "ред." 1958 : № 254].

<sup>8</sup> Изучение личности и деятельности восточных переводчиков и толмачей Посольского приказа – это проблема особого исследования, чему может быть посвящена специальная работа.

<sup>9</sup> О т п и с к а – документ, соответствующий докладной записке официального лица к вышестоящему или же другому официальному лицу, донесение.

"Во ·РМѠ· м [1641] гѡду апрѣля въ ·ИѢ· [18] де приѣхал в свою гсдрвѡ отчину в Астарахань ... юргенского Исѣендияра царя гѡнецъ Несеѣр Маликъ ... и подал намъ холопомъ твоимъ четыре листа ... а листы гсдрѣ писаны ѡарсовскими и турскими писмы и мы холопи твои тѣ листы велѣли перевести а в переводахъ написано одинъ листъ от бухарского Имамъкулия царя а другой листъ от балхинского Надырмагаметя царя писаны к нам холопомъ твоимъ ... а два гсдрѣ листы писаны к нам же холопомъ твоимъ от юргенского Исѣендияра царя ... и мы ... тѣ листы послали к тебѣ к гсдрю і великомъ кнзю Михаилу Федоровичю всеа Рѣсиі под сею отпискою" [Хив. д. III : 1–7].

Ханские грамоты, направленные самим государям, вручались им среднеазиатскими послами во время аудиенции, устроенной в честь их приема. Поданные грамоты государи приказывали принять дьякам или же думным дьякам, а последние поручали эти документы переводчикам Посольского приказа и осуществляли строгий контроль за переводом. Например, 30 сентября 1643 г. хивинский посол Эмин Багадыр, побывав на приеме у царя Михаила Федоровича, передает "гсдрю Исѣендияра царя грамотѡ и гсдрѣ велитъ грамотѡ принят печатникѡ и дѣиному диаку Федору Федоровичю Лихачеву ... и печатникѡ и дѣиному дьяку Федор Федорович молыт Эмин Богатыр великии гсдрѣ цѣрь и великии кнзю Михаилу Федоровичю всеа Рѣсиі самодержецъ и многих гсдрствѣ гсдрѣ и облаадалел велѣл тебѣ говорити которѡю грамотѡ подаль еси нѣмѡ цѣрскомъ величествѣ гсдря своего Исѣендияра цѣря и что рѣчью говорил и мы великии гсдрѣ рѣчи твои выслушали мѣлѣтливо и грамотѡ велели перевести ..." [Хив. д. V : 151–153].

Челобитные среднеазиатских послов и гонцов писались, как свидетельствует их содержание, в основном после приезда в Россию. В них послы излагали свои жалобы на таможенных голов, взявших незаконные пошлины, начальников государевых "бус", не разрешивших грузить товары на "бусы", и просили о выдаче и прибавлении дорожного корма, дополнительных дров, свечей, денег и т.п. Челобитные подавались самими послами или же вручались их приставами (в необходимых случаях – доверенными лицами) царям или же дьякам Посольского приказа: "РЗС· 2 [1657] мая въ ·ПѢ· [13] де ... Довлетъ Мамет (хивинский посол. – Д.К.) был ѡ великого гсдрѣ ѡ рѣки і в тѣ де поры билъ челомъ ему великому гсдрю и подавал на ... индейнина на Шутрѣ челобитнѡю і великии де гсдрѣ тоѣ ево челобитнѡю отдал дѣиному диаку Алмазу Иванову ..." [Хив. д. VII : 71–73]; "И февраля в ·ИѢ· [8] дн ... был в Посольской полате ѡ дьяковѡ думново Петра Третьякова да ѡ Савы Романчукова юргенцкой посол Суфы-Хозя ... да посол же подал думному диаку Петру ... ко гсдрю челобитную татарскимъ письмомъ" [Хив. д. I : 64, 78].

Все посольские челобитные, поданные на имя государя, переводились и хранились в Посольском приказе: "РЗС· 2 [1657] ... посол (хивинский. – Д.К.) Довлетмаммет билъ челомъ великомъ гсдрю цѣрю і великому кнзю Алѣѣю Михайловичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Рѣсиі самодержицѣ и подавал челобитнѡю татарскимъ письмомъ и та де челобитная ево и переведена лежит в Посольскомъ приказе" [Хив. д. VII : 76].

Среди среднеазиатских деловых документов обращают на себя особое внимание грамоты и челобитные, имеющие при себе черновые и беловые варианты современных им русских переводов.

Переводы первоначально выполнялись на черновиках. Они являлись как бы рабочим вариантом, поэтому разборчивость, последовательность в записи и т.д. в них не соблюдались. Вследствие этого черновики переводов покрыты всяческими поправками – стилистическими, грамматическими, сделанными их создателями. Так что научное значение черновиков для выяснения процесса работы над переводами существенно.

Учитывая цвета чернил и приемы начертания, имеющиеся в черновиках, можно установить, что старинные русские переводы грамот и челобитных среднеазиатского происхождения выполнялись при участии двух и более лиц. Сначала переводом иноязычного текста документа занимался, по указанию дьяка, один из переводчиков Посольского приказа. После этого первоначальный текст перевода вместе с его иноязычным оригиналом передавался для ознакомления и исправления другому лицу, скорее всего хорошо владеющему русским канцелярским языком, – редактору. Затем текст перевода, подготовленный переводчиком и редактором, подвергался грамматической и стилистической правке со стороны дьяка, в исключительных случаях опытного подьячего. В итоге окончательно отредактированный текст русского перевода переписывался красивым почерком опытным переводчиком или же под его диктовку рукой опытного подьячего набело для царя. Примером может служить перевод на русский язык небольшого отрывка из написанной арабской графикой на среднеазиатском тюрки челобитной хивинского посла Эмина Багадыра царю Михаилу Федоровичу от 26 марта 1643 г.: СиЗ УЛУГ ПАДиШАХ ҲаЗРаТЛАРИНИНГ МУХаБаТЛИК 'ИНАЙаТиНГиЗа И'ТиБАР ҚИЛУБ СиЗ ПАДиШАХ ҲаЗРаТЛАРИНЭ ЙуБаРГАН ҲаТДЭ ОТУНЭ ЙАЗГАНЛАР ЭРДИ [Хив. д. V : 230] (дословно: "Надеюсь на вашу великого государя величества любительную грамоту, писали с большой просьбой в посланном вам государскому величеству письме"). Тюркский текст переведен на русский язык в черновике приблизительно и буквально (текст перевода написан красновато-коричневыми чернилами): "Писали в любительных грамотах к вашему гсдрьскому величеству прошаючи надѣясь на ево црвь обиход" [Хив. д. V : 246]. Далее редактор этого перевода прибег к основательному исправлению и дополнению другими чернилами – светло-коричневыми (правка и дополнения редактора ниже подчеркнуты одной чертой). В результате перевод стал более точным: "Писал к вам гсдрю к вашему величеству в любительных своих грамотах надѣясь на вас гсдря на твое црское величество". Сравнивая приведенный тюркский текст с первичным переводом и отредактированным вариантом, нетрудно заметить, что редактору удалось дословный перевод переводчика сделать более осмысленным, чтобы он соответствовал нормам русских челобитных. Но в то же время текст перевода нуждался еще в грамматической и стилистической правке. Впоследствии она была осуществлена третьим лицом – дьяком или же опытным подьячим коричневыми чернилами (правка со стороны третьего лица дается ниже разрядкой), т.е. после слов к вашему было добавлено ц р с к о м у, а к словам в своих грамотах – г с д р ь м о и. После этого содержание контекста улучшилось: "Писал к вам гсдрю к вашему ц р с к о м у величеству в любительных своих грамотах гсдрь мои надѣясь на вас гсдря на твое црское величество". А в окончательном виде – беловике он выглядит так: "Писал к вам гсдрю к вашему црскому величеству в любительных своих грамотах гсдрь мои надѣяс на вас гсдря на твое црское величество" [Хив. д. V: 234–235].

Старинные русские переводы среднеазиатских деловых документов создавались и другим путем: посол (челобитчик) на своем языке устно излагал свою просьбу или жалобу толмачу-переводчику, который, в свою очередь, переводя его речи, диктовал подьячему, а последний все это записывал. А на обороте этой челобитной челобитчик производил "рукоприкладство" – запись о правильности перевода своей речи. Нередко соответствующая запись производилась его доверенным лицом. Например, она была произведена на тюркском языке на обороте листа челобитной хивинского посла Девлетя Мамета от 1657 г. царю Алексею Михайловичу так: БУ ДЖЕЛЭФИТНЭГА МаН АЙТГАН СӨЗИМГА МаН ДаВЛАТ ИЛДЖИ ҚОЛ САЛДИМ, что в русском дословном переводе гласит: "К этой челобитной я к сказанным словам я посол Девлет руку приложил" [Хив. д. VII : 5–6].

В целом сравнение содержания среднеазиатских деловых документов XVII в. с современными им русскими переводами показывает, что абсолютное большинство

старинных русских переводов выполнено на достаточно профессиональном уровне. Мастерство переводчиков прежде всего заключается в том, что они каждому слову, выражению восточных текстов находили удачные эквиваленты (иногда условные) из словарного состава русского языка: ПАДиШАХ – государь, ХАН – царь, ХуКМДАР – обладатель, 'АЛаМ ПаНАХ – самодержец, ИЛДЖИ – посол, ЙОЛДЖИ – гонец и т.д.

Значительный интерес представляют переводы на русский язык устойчивых выражений БАШ УРУБ 'АРЗ ҚИЛМаҚ "бить челом" и ОРТАҚ ҚУЛУНГИЗ "общий ваш холоп", а также местоимения 2-го лица СиЗ "вы; ты".

Рассмотрим их в отдельности.

Старинное русское выражение *бить челом* употреблялось в русских переводах хивинских и бухарских челобитных XVII в. для передачи следующих тюркских соответствий:

1. БАШ УРУБ 'АРЗ ҚИЛАМаН (-МИЗ, -БиЗ, -БаТБиЗ) [Хив. д. V : 216, 227, 230, 251; Бух. д. I : 144, 256];

2. БАШ УРУБ 'АРЗ ЭДиРМаН (-БиЗ) [Хив. д. II : 204, 205, 238, 239, 255, 267, 273, 350];

3. 'АРЗ ЭДиБ БАШ УРУРМаН [Хив. д. II : 298; Хив. д. V : 195, 238].

Если приведенные тюркские соответствия выражения *бить челом* перевести на русский язык дословно, то получится так: *головой бия* (ударяя головой), *прошу* (просим, жалуюсь, жалуюсь) или *прося* (жалуюсь), *головой бью челом* (ударяю головой). Но старые русские переводы тюркских деловых документов не страдали обычно буквализмом выражений.

Устойчивое словосочетание *бить челом* и образованные на его основе в XVI в. сложные существительные *челобитная* (из прилагательного *челобитный*), *челобитье*, *челомбитье* как название одного из видов русских деловых документов привлекали к себе внимание многих языковедов со стороны семантики [Тарабасова 1963; Волков 1972; Садыхлы 1972; Качевская 1974]. Невнимание к их тюркским соответствиям привело к тому, что архаический фразеологизм *бить челом* получал слишком образное объяснение: «Словосочетание *бить челом*, возникшее не позже XIII–XIV вв. (*челомъ бити*), сначала ... являлось просто "натуралистическим" отображением самого действия ("класть земные поклоны"). Затем в условиях феодально-средневековых отношений оно стало выражать обращение к власти, а именно с просьбой или с жалобой на кого-либо» [Шмелев 1977 : 332]. При этом, к сожалению, не учитывались проницательные исторические соображения об истоках данного выражения, высказанные более чем полтора столетия тому назад А.Ф. Рихтером: "Цари (российские. – Д.К.), следуя азиатским обыкновениям, заставляли послов повергаться пред троном на землю, отчего произошло и ныне еще употребляемое выражение *челом бить*, говорить речи, стоя на коленях... Таким образом, присланные от Крымского хана Девлет Гирея в 1565 году послы, быв представлены пред царя Ивана Васильевича Грозного, говорили речи, стоя на коленях" [Рихтер 1822 : 252–253].

Американский исследователь П.Б. Голден на основе чисто этимологической методики, опираясь на материалы славянских и тюркских словарей, пришел к выводу, что русский фразеологизм *бить челом*, являющийся тюркской калькой, "может быть, восходит к китайскому k'ou t'ou"<sup>10</sup> [Golden 1984 : 109].

Весьма часто исключительно лексикографический материал не дает возможности полностью проследить историю того или иного слова и словосочетания. Поэтому для проверки надежности приведенных версий и окончательного выяснения истории фразеологизма *бить челом* возвратимся к фактическому текстовому материалу – старинным русским переводам среднеазиатских челобитных XVII в. и их восточным оригиналам. Основанием для этого может послужить то, что устойчивое выраже-

<sup>10</sup> Данное китайское выражение в китайско-русском двуязычном словаре объяснено так: "положить земной поклон: кланяться в ноги" [БКРС 1984 : 761].

ние *бить челом* присутствовало в начальной части всех челобитных – собственно русских и переводных. Например, довольно витиевато написанная начальная часть челобитной хивинского посла Авезбакея Багадыра царю Михаилу Федоровичу от 16 января 1641 г. в русском переводе того времени выглядит следующим образом: "Великомꙋ гсдрю црю і великомꙋ кнзю Михаилꙋ Федоровичю всеа Рꙋсїи гсдрю самодержцꙋ и многих гсдрствъ гсдрю и облаадателю Исфендиѧра царѧ посолъ Авезбака Багатырь бьетъ челомъ" [Хив. д. II : 206] (в тюркском оригинале русскому выражению *бить челомъ* соответствует БАШ УРУБ 'АРЗ ЭДиР, что дословно переводится "головой бия, делает заявление") [Хив. д. II : 205].

Следует отметить, что в начальной части отдельных хивинских и бухарских челобитных, написанных на среднеазиатском фарси, в соответствии с тюркским выражением БАШ УРУБ 'АРЗ ҚИЛМАҚ употреблено СаР МИЗаНаД (МИКаНаД), что также дословно значит "бьет челом". Например, персидское СаР МИЗаНаД присутствует в начальной части челобитной бухарского посла Кузея Ногаи царю Михаилу Федоровичу от 11 февраля 1645 г. и в ее старинном русском переводе имеет соответствие *челом бьет*: "Великомꙋ гсдрю црю і великомꙋ кнзю Михаилꙋ Федоровичю всеа Рꙋсїи самодержцꙋ и многих гсдрствъ гсдрю і облаадателю бꙋхарского Надырмагамметя царѧ посол Кюзеи Нагаи челом бьет" [Бух. д. I : 141 – русский перевод; 139 – "фарсовский" текст].

Приведенные факты со всей определенностью свидетельствуют, что устойчивое словосочетание *бить челом* было привычно для обоих среднеазиатских языков XVII в. – как тюркского, так и персидского. В русском языке оно было гораздо раньше калькировано с тюркского языка, поскольку взаимосвязь русского народа и языка с тюркскими была более интенсивной, чем с иранскими.

Выражение *бить челом*, хорошо укоренившееся в русских деловых текстах XVII в., в производном слове *челобитная* (*челобитный*; ср. также *челобитье*, *челобитна*, *челомбитье*), как название одного из видов русских деловых памятников, нередко употреблялось в написанных арабской графикой на среднеазиатских тюрки и фарси челобитных хивинских и бухарских послов XVII в. в виде ЧЕЛАБИТНЭ. Это объясняется тем, что послам, по-видимому, была хорошо известна семантика слова *челобитная*, хотя слово писалось ими по-разному: ЧЕЛАБИТНЭ, ЧЕЛАФИТНЭ, ЧЕЛЭФИТНЭ. Впрочем, оригиналом для этих форм, скорее всего, были формы *челобитна*, *челобитня*.

Устойчивое выражение *общий ваш холоп*, не отмеченное словарями, употреблялось только в старинных русских переводах восточных, в частности среднеазиатских, челобитных XVII в. Оно встречается, например, в челобитной хивинского посла Кошута Багадыра царю Михаилу Федоровичу с жалобой на торгового человека Онисима, не взявшего в судно его товаров, от 30 марта 1641 г.: "Великомꙋ гсдрю црю і великому кнзю Михаилꙋ Федоровичю всеа Рꙋсїи самодержцꙋ и многих гсдрствъ гсдрю и облаадателю вашемꙋ црскомꙋ величествꙋ бьет челом общеи вашꙋ холоп гсдрѧ своего Исфендеѧрова Багатырева сына Салтанꙋ Сеита царевича посолъ Кошꙋт Багатыр" [Хив. д. II : 268]. *Общий ваш холоп* отмечается также и в челобитной бухарского посла Кузея Ногаи царю Михаилу Федоровичу с просьбой велеть подьячему сыскать их "наймита", от 20 февраля 1645 г.: "Великомꙋ гсдрю црю і великомꙋ кнзю Михаилꙋ Федоровичю всеа Рꙋсїи самодержцꙋ и многих гсдрствъ гсдрю и облаадателю ... бьет челом общеи вшꙋ холопꙋ бꙋхарского Надырмагметев царевꙋ посолъ Кюсѧи Нагаи" [Бух. д. I : 145].

В этом своеобразном устойчивом словосочетании *общий ваш холоп*, употребленном в переводах среднеазиатских челобитных, обращает на себя внимание и требует объяснения слово *общий*. Сразу, исходя из контекста старинных русских переводов хивинских и бухарских челобитных, выяснить значение его, конечно, трудно, но это возможно с помощью иноязычных оригиналов. В результате сличения



восточных оригиналов хивинских и бухарских челобитных и их русских переводов XVII в. выяснилось, что очень часто *общий ваш холоп* в иноязычных текстах имеет собственно тюркское соответствие ОРТАҚ ҚУЛУНГИЗ (ҚУЛУНГИЗ, ҚуЛУГИЗ, ҚуЛУГИЗ) и реже арабско-тюркское МуШТаРаК ҚУЛУНГИЗ (ҚУЛУНГИЗ). Русским словом *общий* были переведены или тюркское ОРТАҚ, или арабское МуШТаРаК, а словами *холоп ваш* – тюркское ҚУЛУНГИЗ.

Как нам кажется, в сочетаниях ОРТАҚ ҚУЛУНГИЗ, МуШТаРаК ҚУЛУНГИЗ "общий ваш холоп" слова ОРТАҚ и МуШТаРаК "общий" хивинскими и бухарскими, а также другими восточными послами были употреблены потому, что они считали себя "холопами" не только своих государей, но и других – московских, подчеркивая этим свой низкий уровень на иерархической лестнице по сравнению с адресатом. Аvezбакей Багадыр, посол хивинского царя Исфендияра, в своей челобитной от 1 марта 1641 г. на имя царя Михаила Федоровича писал: "Я 8 вас гсдреи опчеи холоп ваш гсдрскои". Данное предложение в тюркском оригинале имеет следующее соответствие: ИКИ ПАДиШАХЭ ОРТАҚ ҚуЛМаН – дословно "я общий раб двум государям" [Хив. д. II : 75 – русский перевод; 255 – тюркский текст]. Интересно, что этот же посол в другой своей челобитной от 13 апреля 1641 г. царю Михаилу Федоровичу сначала называет себя "холопом" двух государей – своего и московского, а потом лишь московского, хотя он являлся на самом деле "холопом" прежде всего хивинского хана: "Великом8 гсдрю црю і великом8 кнзю Михаил8 Федоровичю всеа Р8сии ... Исфендияра цр8 посол опчеи холоп ваш8 Аvezбакеи челом8 бьет8 ... млстивый гсдрь (Михаил Федорович – Д.К.) пожал8и меня холопа своего вели т8х8 дв8 члвк8 в Астрахани мн8 отдать а 8 б их8 свез в землю гсдр8 своего (Исфендияра – Д.К.)" [Хив. д. II : 293].

Как уже было отмечено выше, устойчивое этикетное выражение *общий ваш холоп* употреблялось исключительно в старинных русских переводах тюркских челобитных среднеазиатских послов XVII в. Этим именованием адресанта среднеазиатские и другие восточные послы – челобитчики пытались проявить этикетное равное уважение и к своим ханам, и к правителям "всеа Руси". А в челобитных западных послов оно не использовалось. Несомненно, что *общий ваш холоп* является тюркской калькой.

В передаче восточной формулы ОРТАҚ (МуШТаРаК) ҚУЛУНГИЗ русской *общий ваш холоп* заслуживает внимания также и использование притяжательного местоимения 2-го лица множественного числа *ваш* для перевода соответствующей тюркской вежливой формулы принадлежности 2-го лица единственного числа *-нгиз*. Это связано с еще неустойчивым употреблением притяжательного (и личного) местоимения 2-го лица множественного числа в качестве только начинавшей формироваться в русском языке формы вежливости, т.е. использования *ваш* (*вы*) вместо *твой* (*ты*) при вежливом обращении к одному лицу.

Своеобразие восточного дипломатического этикета в употреблении тюркского противопоставления личных местоимений 2-го лица *сен* и *сиз* как обычной и вежливой форм сохранялось и для вежливого обращения среднеазиатских ханов и послов к московским правителям. В текстах грамот хивинских и бухарских ханов, а также челобитных их послов и гонцов обычно фигурировали тюркское вежливое местоимение 2-го лица единственного числа *СиЗ* и притяжательный суффикс *-ИНГИЗ*, которые в современных им русских переводах передавались то как *вы* (*ваш*), то как *ты* (*твой*). Такая непоследовательность наблюдается, например, в старинном русском переводе челобитной хивинского посла Кошута Багадыра царю Михаилу Федоровичу от 29 января 1641 г.: "Млстивый гсдрь (Михаил Федорович. – Д.К.) мои искони с четырех сторон которые послы к теб8 гсдрю ко Москве приходят ... и т8м8 послом8 твоео гсдрва жалованя прибавливано было и мы 8 тебя гсдря млсти просим8 чтоб вы млстивый гсдрь меня (Кошута Багадыра – Д.К.) пожаловал также

велел мнѣ своево гсдрва жалованя корму прибавит слишкомъ против прежнего обычея о томъ ѿ вас гсдря млсти просимъ и челомъ бьемъ" [Хив. д. II : 240]. К сожалению, в глагольных формах *пожаловали*, *велели* конечный слог дан на взмете, где гласный, как правило, не обозначался. В тюркском оригинале употреблены глагольные формы, соотносительные с вежливой формой местоимения 2-го лица *сиз*: ЙАРЛИҚГАЙ ЭДИНГИЗ, БУЙУРГАЙ ЭДИНГИЗ [Хив. д. II : 239].

В этом отношении любопытна также грамота царей Ивана и Петра Алексеевичей хивинскому хану Арану Багадыру от 8 мая 1695 г. В ее русском тексте применено двойное обращение к хивинскому правителю – на *ты* (тыкание) и *Вы* (выкание): "...к тебе Аран-Багадырь-хану писано...надеемся мы великие государи на вашу Багадырь хана дружбу". Оба местоимения переданы в тюркском переводе формой вежливого обращения *сиз*: СИЗ АРАН БАХАТУР ХАНІЭ ЙАЗҒАНМИЗ; ИШАНАМИЗ БИЗ УЛУҒ ПАДІШАХЛАР СИЗ АРАН БАХАТУР ХАҢИГ ДОСТЛУҚИНЭ [Самойлович "ред." 1932 : № 110 – русский текст; № 24 – тюркский перевод].

Распространено мнение, что форма вежливого обращения на *вы*, появившаяся в русском языке с конца XV столетия, окончательно установилась в нем под влиянием западных языков к девяностым годам XVII в., что демонстрируется документами, касающимися связей России с Западной Европой [Черных 1948; Ковалевская 1978]. Памятники письменности среднеазиатско-русских и русско-среднеазиатских дипломатических сношений свидетельствуют о том, что вежливое обращение на *Вы* в России утвердилось, вероятно, не к петровскому времени, как считал П.Я. Черных, а несколько позже, причем под влиянием не только Запада, но и, возможно, Востока.

Исследование лишь некоторых старинных русских переводов среднеазиатских деловых документов (грамот, челобитных) XVII в. достаточно для вывода о том, что они являются вполне надежным материалом для характеристики состояния русского языка в XVII веке, особенно для создания истории лингвистической теории перевода русских и восточных дипломатических документов. Дальнейшее выявление и изучение подобного рода источников необходимо для решения многих вопросов истории русского языка – русской исторической лексикологии, русского переводческого дела XVII в., взаимоотношения русского языка XVII в. с другими языками того времени, как восточными, так и западными.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонова К.А. "ред." 1958 – Русско-индийские отношения в XVII в. Сб. документов. М., 1958.  
 БКРС 1984 – Большой китайско-русский словарь. М., 1984. Т. 2.  
 Вельяминов-Зернов В.В. 1864 – Материалы для истории Крымского ханства. СПб., 1864.  
 Волков С.С. 1972 – Из истории русской лексики. II. Челобитная // Русская историческая лексикология и лексикография. I. Л., 1972.  
 Качевская Г.А. 1974 – Челобитная, прошение, заявление // РР. 1974. № 5.  
 Ковалевская Е.Г. 1978 – История русского литературного языка. М., 1978.  
 Котков С.И. 1981 – Исследование и издание скорописных памятников русского языка // ВЯ. 1981. № 6.  
 Наджип Э.Н. 1989 – Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. М., 1989.  
 Рихтер А.Ф. 1822 – Нечто о влиянии монголов и татар на Россию // Тр. Вольн. о-ва любителей росс. словесности. Ч. XVII. СПб., 1822.  
 Садыклы Н.Е. 1972 – "Бьет челом холот твой..." // РР. 1972. № 4.  
 Самойлович А.Н. "ред." 1932 – Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Л., 1932.  
 Тарабасова Н.И. 1963 – Об одном фразеологизме в частной переписке XVII в. // Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963.  
 Халикова Р.Х. 1990 – Язык башкирских шежере и актов документов XVIII–XIX вв. М., 1990.  
 Черных П.Я. 1948 – Заметки об употреблении местоимения *вы* вместо *ты* в качестве формы вежливости в русском литературном языке XVIII–XIX вв. // Учен. зап. Моск. ун-та. Вып. 137. Тр. каф. рус. яз. Кн. 2. М., 1948.  
 Шмелев Д.Н. 1977 – Современный русский язык. Лексика. М., 1977.  
 Golden P.B. Turkic Calques in Medieval Eastern Slavic // Journal of Turkish studies. 1984. V. 8.